

MEMUARY

Михала
Клеодраса
Огиньского

ТОМ I

Михал Клеофас Огинский

Мемуары Михала Клеофаса Огинского. Том 1

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21636623

*Мемуары Михала Клеофаса Огинского. Том 1: Издательство «Четыре четверти»; Минск; 2015
ISBN 978-985-7103-98-0*

Аннотация

Впервые читатель получил возможность ознакомиться на русском языке с мемуарами Михала Клеофаса Огинского, опубликованными в Париже в 1826–1827 годах.

Издание уникально тем, что оно вписывает новые страницы в историю белорусского, польского, литовского народов. Воспоминания выдающегося политика, дипломата и музыканта М. К. Огинского приоткрывают завесу времени и вносят новые штрихи в картину драматических событий истории Речи Посполитой конца XVIII века и ситуации на белорусских, польских, литовских землях в начале XIX века. Глазами очевидца представлена также бурная жизнь Европы того времени, в частности восстание Тадеуша Костюшко, наполеоновские войны, показаны фигуры известных личностей – короля

Станислава Августа Понятовского, князя Потемкина, императора Александра I, полководца Наполеона Бонапарта и многих других.

Со страниц мемуаров предстает яркий образ и самого Михала Клеофаса Огинского.

Первый том нашего издания включает переводы текста первого и второго томов французского оригинала.

Содержание

Предисловие	8
Введение	13
книга первая	27
Глава I	28
Глава II	53
Глава III	69
Конец ознакомительного фрагмента.	89

**Мемуары
Михала Клеофаса
Огинского**

О Польше и поляках

С 1788 года до конца 1815 года

Перевод с французского

В двух томах

том I

(1765–1833)

Перевод осуществлен по:

MÉMOIRES DE MICHEL OGINSKI, Sur la Pologne et les Polonais. Depuis 1788 jusqu'à la fin de 1815. Tome premier. PARIS, BARBEZAT ET DELARUE, ÉDITEURS, Rue des Grands-Augustins, № 18. GENÈVE, MÊME MAISON, RUE DU RHÔNE, № 177. 1826.

MÉMOIRES DE MICHEL OGINSKI, Sur la Pologne et les Polonais. Depuis 1788 jusqu'à la fin de 1815. Tome second. PARIS, CHEZ L'ÉDITEUR, Rue des Grands-Augustins, № 18, CHEZ PONTHEU, LIBRAIRE, Palais-Royal, Galerie de Bois. GENÈVE, BARBEZAT ET DELARUE, LIBRAIRES. 1826.

© Чижевская Е. А., Казыро Л. А., перевод на русский язык, 2016

© Оформление. ОДО «Издательство “Четыре четверти”», 2016

Предисловие

Я никогда не имел претензии именоваться автором и потому не намеревался представлять публике эти «Мемуары», так как писал их для своих детей и для друзей. Я лишь хотел рассказать им о необыкновенных событиях, свидетелем которых был сам. Я хотел, чтобы они хранили память о несчастьях, жертвой которых пала их родина; и еще хотел набросать для них правдивую картину поведения, которого я всегда придерживался, чтобы доказать на своем примере, что среди самых разнообразных превратностей судьбы подлинное утешение нам дает только уверенность в том, что мы всегда выполняли свой долг.

Я нисколько не желал быть предметом для разговоров и потому не давал себе труда опровергать статьи в иностранных газетах и упоминания в различных произведениях, касающихся Польши, в которых шла речь обо мне лично. Однако я заметил, что моя беспечность на этот счет привела к тому, что обо мне стали говорить, не принимая в расчет меня самого. В различных изданиях «Современной биографии» я нашел абсурдные утверждения на мой счет, в которых к тому же извращенно подавались важные факты из истории моей страны. Тогда я решился предоставить для опубликования эти «Мемуары», тем более что мои друзья уже давно

требовали от меня решиться на этот шаг¹.

Уступив настояниям многих лиц, которые уже были частично знакомы с «Мемуарами», я озаботился не столько восстановлением того, что касалось лично меня, сколько тем, чтобы исправить ошибки в фактах и датах последних событий в Польше и правдиво и точно описать те из них, к которым сам имел большее или меньшее отношение.

Приняв такое решение, я должен пояснить следующее. Я

¹ Лондонские газеты в 1791 году дали сообщение о том, что я погиб, когда плыл на корабле из Кале в Дувр, и мои друзья оплакивали меня в тот самый момент, когда я читал в газете о моем собственном утоплении. Многие газеты изображали меня на трибуне Конвента в Париже в 1792 году: я читал даже копии речи, которую якобы там произносил, тогда как в то самое время находился в трехстах лье от границ Франции. Газеты Гамбурга, Кельна и другие утверждали, что в 1796 году я командовал корпусом в десять-пятнадцать тысяч человек на границах Турции. Это известие было преподнесено с такой уверенностью, что Вернинак, посол Франции в Османской Порте, получил из Парижа порицание за то, что не сообщил об этом факте в своем докладе. Я узнал об этом от самого Вернинака, когда был в Константинополе. «Меркур де Франс» в 1797 году возвел меня в президенты комитета, уполномоченного составить в Париже польскую конституцию. Другие газеты выдавали меня за знаменитого Пассаван-оглы. Это утверждение было столь серьезно принято на веру, особенно в Литве, что по возвращении туда мне было так же трудно его опровергнуть, как и ту мнимую речь, которую я якобы произнес в парижском Конвенте. Я не буду приводить здесь другие ложные сообщения в том же духе, также как и некоторые параграфы из «Современной биографии», которые не потребовал исправить. После сказанного здесь не покажутся удивительными самые разнообразные суждения о моих принципах, которые навлекли на меня преследования и стали причиной задержки разрешения мне вернуться в свою страну. Это разрешение было дано императором Александром только в начале 1802 года, то есть после восьми лет моей эмиграции.

начал служить родине еще совсем молодым и последовательно занимал следующие должности: представителя Законодательного корпуса, члена Финансовой палаты, чрезвычайного посла в Голландии, назначенного вкуче для выполнения миссии в Англии, главного подскарбия Литвы, военного в период революции в Польше, представителя польских патриотов в Константинополе и в Париже. Затем, в период эмиграции, на несколько лет устранился от дел и наконец императором Александром был назначен в Сенат Петербурга. Неудивительно, что те, кто привык судить о человеке лишь по внешности, могли относить меня поочередно то к аристократам, то к якобинцам, считать сторонником то Франции, то России.

Эти заблуждения на мой счет, несомненно, исчезнут при чтении этих «Мемуаров» и уступят место пониманию того, что мною всегда двигало единственное и исключительно властное чувство – это любовь к родине. Иногда она вводила меня в заблуждение, толкала на неосторожные поступки из-за доверчивости и поспешного стремления следовать первым движениям души, но чувства не рассуждают, и чувство любви к родине, конечно, извинительно, даже в своих ошибочных последствиях.

Те, кто меня знает и делил со мной преданную службу родине, прочтут этот труд с интересом. В нем они узнают обычную мою манеру думать, чувствовать и изъясняться. Они вспомнят различные периоды жизни, в которые меня знали,

смогут освежить в памяти факты, которые им в основном известны, но подробностей которых они не знают. Они с удовольствием перечитают описание различных ситуаций, в которых я оказывался и отдельные из которых могли бы показаться взятыми из романов, если бы после всех событий, случившихся во время революций, еще что-то могло бы казаться невероятным и если бы ныне живущие свидетели не могли подтвердить правдивость всех тех фактов, что изложены в данных «Мемуарах».

Те же, кому мое имя неизвестно, пусть извинят меня за большое количество деталей, которые им безразличны, — это сделано ради весьма интересных сведений о событиях в Польше, многие из которых неизвестны широкой публике.

Поскольку я являюсь поляком, предметом моего повествования выступает Польша, и я исключил большое количество своих наблюдений и заметок, касающихся политических дел в Европе, оставив описание лишь тех событий, которые имели более или менее прямое отношение к моей стране.

Не следует удивляться тому, что представитель Польши создал эти «Мемуары» на иностранном языке. Я имел привычку делать записи по-французски, и я представляю их здесь (с незначительными изменениями) в том виде, в каком собрал их для личного пользования. Этим пояснением я надеюсь заслужить снисхождение читателей за те ошибки языка и стиля, которые могут здесь встретиться.

Если мой возраст и болезни не оставят мне времени опубликовать эти записи на языке моей страны, я льщу себя надеждой, что среди моих соотечественников найдется верный друг, который избавит меня от труда переводчика.

Введение

Завершилось последнее тридцатилетие восемнадцатого века и началось новое столетие. Если же довелось человеку оказаться свидетелем событий самых необычайных и неожиданных, которые заключал в себе этот период, и даже не просто зрителем, но иногда и действующим лицом в разнообразных его эпизодах, то невозможно устоять перед необходимостью отметить главные его свершения и запечатлеть на бумаге свои наблюдения, воспоминания и рассуждения.

Это была борьба английских колоний Северной Америки против метрополии, долгое время вызывавшая сомнения. Завершилась она, однако, завоеванием свободы и независимости Соединенными Штатами и преподала народам урок отстаивания своих прав в борьбе против насилия и угнетения. Это было царствование Фридриха II, короля-философа, писателя и воина, который, будучи то побежденным, то победителем, в результате сумел расширить владения Пруссии за счет соседей и обеспечить ей достойное место среди государств Европы. Царствования Иосифа II и Екатерины II повлекли многочисленные реформы и существенные изменения в мышлении правителей и их народов. Два первых раздела Речи Посполитой расчленили на части эту страну, а за ними последовал третий и последний раздел, который стер с карты само ее название; затем последовало восстановление

ние Королевства Польского русским императором Александром. Свершилось падение монархии во Франции и превращение ее в республику. Затем имел место постепенный переход этого нового образа правления, через смену разных режимов, к деспотии Наполеона и, наконец, возврат к конституционной монархии и династии Бурбонов. Имели место революции в Нидерландах, Бельгии, Испании, Португалии, в Неаполе, Пьемонте и Греции. Все эти памятные события следовали одно за другим в течение всего лишь пятидесяти лет и вызывали изумление всякого их свидетеля, способного чувствовать и мыслить.

Я не упоминаю здесь о королевствах, которые разрушались, едва успев возникнуть; о королях, едва успевших короноваться и тут же свергнутых с тронов; о республиках, в течение веков бывших независимыми и оказавшихся вдруг включенными во владения соседних государств; о жестоких войнах, в которых была пролита кровь миллионов людей; о жертвах фанатизма и преследований за политические убеждения, – ведь все эти события были лишь естественным следствием общего потрясения и полного разрушения всех форм и принципов, составлявших прежде основу политической системы в Европе.

Никто не сможет отрицать, что этот полувековой период заключал в себе гораздо больше необычайных событий, чем их было отмечено в исторических анналах нескольких предшествующих веков. Все они следовали одно за другим с та-

кой быстротой, что опрокидывали расчеты самых опытных политиков и приводили к результатам, которых нельзя было ожидать.

Этот стремительный ход событий повергал в шок даже те силы, которые их же и породили, – и это, несомненно, должно быть отнесено на счет самого духа времени и прогресса просвещения, которому нельзя устанавливать сроки и который нельзя произвольно остановить. Влияние просвещения, противодействие, которое оно встречает со стороны предрассудков и невежества, и действия, которые предпринимает дух просвещения в ответ на эти препятствия, – все это неизбежно порождает эффект непредвиденный и поразительный.

Газеты, которые редко бывают правдивыми и часто противоречат одна другой; современные произведения, авторы которых часто поддаются чувствам, навеянным страхом, или впадают в заблуждения из партийной предвзятости и порождаемых ею страстей, – все они не могли точно передать те необычайные события и отдать себе должный отчет о тех величайших последствиях, которые вызвала французская революция в разных концах мира.

Только время сумеет вскрыть всю правду, и рано или поздно она обнаружится в последующих писаниях – для них не один свидетель имел возможность на покое оставить богатые материалы. Только тогда, когда исчезнут иллюзии, можно будет непредвзято судить о причинах и следствиях, толь-

ко тогда можно будет легко найти объяснения тому, что сейчас кажется непостижимым. И тогда наше потомство сможет верно судить о действиях народов, оно даст оценку тем разнородным идеям, которыми народы были разделены. Оно сумеет отличить великого человека от узурпатора, фанатика, вдохновленного любовью к родине, – от фанатика, движимого только тщеславием и честолюбием, честного человека – от лицемера, надевшего маску. Потомство ответит каждому, кто отметился в эту бурную эпоху, то место, которого он заслуживает.

Среди народов, особо отметившихся своим мужеством, добродетелями, своими бедами и стойкостью в них, поляки заслуживают, бесспорно, выдающегося места. Я не говорю о тех поляках, которые в давние века держали в страхе соседей силой своего оружия и простирали границы своей страны от Волги до Одера, – я не задерживаюсь на тех блестящих эпохах, когда Польша была одной из самых могущественных стран в Европе. Я не буду называть здесь имена королей, оставшихся в памяти потомства своими военными подвигами, или мудростью своих законодательных установок, или защитой интересов крестьян, или организацией органов правосудия, или покровительством наукам и искусствам. Я не буду также называть великих государственных деятелей и полководцев, которые прославили Польшу в предыдущие века; я обойду молчанием ученых правоведов, историков, ораторов и знаменитых поэтов, которыми могла гордиться

страна в те времена, когда многие европейские народы были еще отсталыми в смысле их просвещенности.

Я говорю здесь только о тех поляках, которых знал за последние пятьдесят лет, – озлобленных, преследуемых, угнетаемых соседями. Они видели свою страну раздираемой гражданскими войнами, к которым подталкивали ее враги, чтобы ослабить ее, разделить и погубить окончательно. Я говорю о тех поляках, которые видели свою родину раздираемой на клочья и вовсе исчезающей с политической карты Европы, но не переставали ее любить и жаждали отдать свою жизнь, чтобы увидеть ее возрождающейся из пепла. Я говорю о тех поляках, которые посреди смуты и бурь, свирепствовавших в стране, неизменно сохраняли мужество, презирали угрозы, противостояли искушениям, вынужденно уступали силе, не сгибаясь при этом униженно и не уклоняясь с пути чести и долга. Я говорю о тех поляках, которые бестрепетно отправлялись в Сибирь, но не отказывались от своих патриотических убеждений; о тех, кто в эпоху конституционного сейма отдал все свои силы и состояние на службу родине; о тех, кто пришел под знамена Костюшко, чтобы мужественно смыть собственной кровью бесчестье и позор, которыми старались покрыть польскую нацию; о тех, наконец, кто не переставал трудиться ради восстановления Польши и еще надеялся быть ей полезным.

Напрасны были попытки очернить национальный характер поляков – именно в нем искали причины упадка и ги-

бели страны. Класс земледельцев в Польше, действительно, не был просвещенным, но он и не был развращенным. Кражи, убийства и прочие преступления не были известны этой стране – даже сегодня, когда она разделена на части и находится под разным правлением, преступления в ней совершаются редко. У народа малые потребности – для жизни ему достаточно его труда. Дворянство с детства приучено к оружию и верховой езде, нетерпимо к рабству и иноземному игу; ему достаточно было иметь бесстрашного и предприимчивого вождя, который повел бы его в бой, и оно умело храбро защищать свои владения, защищая границы своей страны. Магнаты, или аристократы, которых и обвиняли главным образом в катастрофах, постигших Польшу (они затевали внутренние распри и устраивали анархию в стране), были более других классов заинтересованы в сохранении целостности страны: их богатые владения, их влияние на государственные дела, права и привилегии, которыми они были наделены, были мощными мотивами, привязывавшими их к родине, – поэтому они ненавидели деспотизм и испытывали отвращение к иноземному владычеству. Можно добавить также, что их образование было весьма тщательным; в большинстве своем они считали честью иметь среди своих предков выдающихся государственных и военных деятелей, проявивших себя на службе родине, и они постыдились бы не последовать их примеру, запятнать свою репутацию и обесчестить имя, которое носят. Таким образом, нужно отдать

им справедливость в том, что их действиями руководила любовь к родине и к славе не меньше, чем желание сохранить свои права и владения. Среди этих действительно больших сеньоров, бесспорно, не было ни одного, кто замарал бы себя, продавшись какому-либо иностранному двору, и пожертвовал бы благополучием своей страны ради своих амбиций или состояния. Многие могли быть в заблуждении и ослеплении относительно интересов своей родины, многие могли быть сбиты с толку собственным тщеславием и себялюбием, но ни один не заслужил быть зачисленным в разряд предателей.

Летописи Польши сохранили для потомства выдающиеся имена Тарновского, Замойского, Жолкевского, Ходкевича, Чарнецкого, Собеского и многих других – представителей знатных семейств, которые своими талантами или военными подвигами отличились перед родиной в предыдущие века. Не вызывает сомнения, что и современная история посвятит несколько страниц Каролю Раздивиллу, Огинскому – великому гетману литовскому, Вельгорскому, Пацу и многим другим высокопоставленным вельможам, которые, конечно, не имели возможности проявить себя столь же блистательными деяниями, как уже упомянутые здесь, но которые пожертвовали огромными состояниями и лично подверглись всем опасностям войны во время Барской конфедерации накануне первого раздела Речи Посполитой в 1773 году².

² В 1772 году. (Примеч. ред.)

Разве не заслуживают высокой похвалы представители знатнейших польских семейств, которые со времени конституционного сейма и до восстановления Польского королевства российским императором Александром подвергались всевозможным преследованиям и страданиям? Ведь они отказались от своего высокого ранга, состояния и пренебрегли всеми опасностями и самой смертью, чтобы послужить родине!

Не вызывает сомнения, что упадок и гибель этого государства были неизбежным следствием той анархии, которая установилась в Польше из-за порочной формы ее правления и вызванных ею злоупотреблений, а также из-за стремления к роскоши и развращенности нравов. Однако необходимо вернуться к началу 18 столетия, чтобы обнаружить подлинный источник несчастий Польши и разложения ее системы правления.

К тому времени Пруссия, перед восшествием на престол Фридриха II, была стеснена в своих границах. Россия нуждалась во внутренних преобразованиях более, чем в новых завоеваниях. Венский двор должен был считаться с поляками, у которых он запросил и получил действительную помощь против вторжения турок. Таким образом, Польша неизбежно оказывалась в центре внимания всей Европы.

Ее плодородные почвы производили разного вида продукцию и обеспечивали ей тем большую прибыль от торговли, что вывоз товаров значительно превышал ввоз в нее ино-

странных товаров, весьма ограниченный в то время.

Поляки чувствовали себя достаточно сильными, чтобы противостоять нападкам соседей; они занимались приращением своих богатств, купались в золоте и серебре и не предвидели, что цветущее состояние их страны возбудит однажды зависть сопредельных государств и навлечет на них самих целую череду несчастий.

Смерть Яна Собеского стала собственно отправной точкой для всех тех катастроф в Польше, которые постепенно привели ее к упадку и гибели.

Едва Ян Собеский ушел в иной мир, как многие суверенные властители Европы загорелись честолюбивыми желаниями заполучить польскую корону, которая давала им большие преимущества – возглавить воинственную нацию и получить власть над страной обширной, плодородной и богатой.

Главными кандидатами на польский трон были принц Конти, выборный монарх Баварии, герцог Лотарингский и выборный представитель Саксонии. Каждый из них старался заручиться поддержкой поляков, устраивал переговоры, обрабатывал умы через своих агентов, раздавал соблазнительные обещания и даже подкупал сторонников, чтобы обеспечить себе голоса на выборах.

Так было заброшено первое семя раздора к выгоде иноземцев. Тогда же и дали о себе знать первые результаты деятельности этих претендентов на корону – деятельности, опи-

равшейся на деньги и насилие. Но положение стало еще хуже, когда через несколько лет, уже после избрания на престол Августа II Саксонского, соперничество между шведским королем Карлом XII и Петром Великим превратило Польшу в театр кровавых военных действий и еще более усугубило разногласия, враждебность и ненависть среди разных частей нации.

Швеции удалось водрузить корону на голову Станислава Лещинского, и верные ему войска опустошали Саксонию, а в самой Польше – преследовали сторонников Августа II. С другой стороны, Россия использовала свое влияние и силы, чтобы поддержать Августа II, и сумела вернуть его на трон, прогнав Станислава Лещинского. Этот последний вынужден был отказаться от возможности править в своей собственной стране и довольствоваться герцогством Лотарингским, которое досталось ему в результате мирных переговоров.

С того времени закрепилось в Польше влияние России. Это влияние продолжало расти в эпоху правления двух Августов вплоть до восшествия на трон Станислава Понятовского – Екатерина II заставила избрать его королем в 1764 году. Именно после его избрания Россия получила неограниченную власть в Польше. При этом она не встречала сопротивления ни в самой польской нации, слишком ослабленной двумя предыдущими царствованиями, ни у соседних государств, которые не осмеливались соперничать с ней и находили даже выгодным для себя принять участие в расчлене-

нии Польши.

Военные действия, которые Саксония была вынуждена вести против Швеции, а затем – против Фридриха II, истощили казну и военные силы Польши; тяга к роскоши и иноземные нравы развратили всех, кто был близок ко двору, и способствовали вырождению в нации духа старинного польского достоинства – этот дух сменился стремлением к наслаждениям и праздности.

Таким образом, в то время как Россия, Австрия и Пруссия совершенствовали образ своего правления, развивали земледелие, промышленность и торговлю, оказывали покровительство наукам и искусствам, наращивали свои силы, – Польша беднела, разрушалась по всем направлениям и постепенно уготовляла себе печальную участь, которая была ей отведена другими.

Уходили в прошлое времена, когда одних сабель было достаточно, чтобы заставить врага отступить. Такая страна, как Польша, не могла более обходиться без крепостей, артиллерии и дисциплинированной армии, не рискуя при этом быть захваченной. И, конечно же, ее иноземные повелители были заняты главным образом сохранением собственных владений, опасались России и заботились об интересах Польши лишь в той мере, в какой могли получить от нее какую-нибудь временную выгоду, – и потому не старались предотвратить или устранить те беды, которые обрушились на страну.

Я позволил себе эти неодобрительные высказывания

лишь для того, чтобы снять с поляков обвинения за ту анархию в государственном правлении и те пороки законодательства, которые часто вменяются в вину исключительно им самим и в которых надо винить иностранцев. Ведь национальный характер поляков сохранился, несмотря на все усилия, приложенные к тому, чтобы его развратить, – и он возродился по всем своим блеску и чистоте всякий раз, когда возникала необходимость проявить его ради службы родине.

Несчастливые обычно не имеют друзей, и поляки, озлобленные, задавленные и преследуемые, тоже имели их мало, зато врагов – много. К тому же, сила и влияние тех, кто подчинил поляков, были употреблены на то, чтобы выставить их в самом невыгодном свете. Однако если взглянуть на поляков беспристрастно, то можно увидеть, что они всегда жаждали славы, а не завоеваний и никогда не были подлыми по отношению к противнику, а также горделивыми и мстительными – в своих победах.

Храбрые без высокомерия, предприимчивые, но не ищущие личной выгоды, терпеливые в несчастье, способные на любую жертву ради своей родины, – они могли заслужить упреки лишь в том, что были слишком доверчивы и потому чрезмерно вверялись тем, кто называл себя их другом и умел польстить их надеждам.

Наступило, однако, время, когда дань уважения по отношению к ним стала выглядеть неуместной. Поляки, сохранившие свой дух, но рассеянные по всей земле, не сумели

сохранить ни политическую независимость, ни свою страну, ни даже свое имя. Высказываться в их пользу, действовать в их интересах, защищать их дело означало выставить себя революционером, личностью беспокойной и опасной для общества.

Сегодня (я писал это в ноябре 1815 года) великодушный российский император Александр Первый, которого никакой другой монарх не смог превзойти в могуществе и лояльности, хотя бы частично восстановил Польшу, вернул ей собственное существование, имя и национальность и тем самым осуществил то, на что другие лишь позволяли надеяться. Это добавило лавров к его короне и привлекло к нему восхищение всей Европы, а также любовь и признательность поляков.

Сегодня славные воспоминания польской нации должны включать в себя и личность этого нового их властителя, который умеет ценить по достоинству преданность интересам родины и умеет отблагодарить тех, кто усердно служит ей и сражается, ее защищая.

Сегодня уже можно не бояться упоминать о стараниях поляков отвоевать свою страну и вернуть себе имя. Именно такие их старания, многократно доказанные ими храбрость и целеустремленность, с которыми они боролись за судьбу своей страны, заслужили уважение к ним императора Александра и вознаградили их возрождением Польши.

Эта уверенность побудила меня тщательно собрать воеди-

но все записи о событиях в Польше, которые я смог сохранить, чтобы затем передать их своим детям, не опасаясь, что эти записи могут появиться перед публикой только лишь по воле какого-либо случая. Факты в них изложены без искажений, правда ничем не приукрашена. Никакая предвзятость не водила моим пером – я писал только для себя и своих близких. В этих записях содержатся неоспоримые свидетельства той преданности и тех жертв, на которые оказались способны поляки во имя своей страны. В этих записях можно увидеть, что при всех различиях мнений среди поляков, они не изменяли себе в главном относительно своих принципов и намерений: каждый из них по-своему стремился к одной и той же цели – быть полезным родине и исполнять свой долг.

Эти записи содержат интересные детали, мало кому известные, о действиях поляков, предпринятых ими ради свободы своей страны, начиная с восстания 1794 года и до года 1798-го. При чтении этих «Мемуаров» будет видно, что я приложил более усилий, чем многие другие, к тому, чтобы собрать те материалы, которые они могли мне предоставить, и большей частью сохранил их, несмотря на риск потерять среди всех тех опасностей, которым я лично слишком часто подвергался.

книга первая

Глава I

Долгая череда бедствий, постигших Польшу со времени восшествия на престол короля Станислава Августа, настроила против него большую часть нации.

Его порицали как исполнителя воли России, которой он был обязан своей короной, и в нем не усматривали энергии, необходимой для того, чтобы организовать отпор там, где благополучие его страны требовало мужества, активности и полной преданности делу своей родины.

Содержание огромной иностранной армии, заполонившей всю Польшу; раздражающе высокомерное поведение ее командования по отношению к местной знати; гражданское противостояние; изъятие из самой столицы ее епископов и сенаторов и ссылка их вглубь России в 1768 году; раздел Польши в 1773 году, ратифицированный вызвавшим к себе всеобщую ненависть сеймом в 1775-м; учреждение Постоянного совета; произвол русских посланников, воле которых король вынужден был подчиняться во всем; бездействие национальных ассамблей со времени раздела; истощение финансов и унижение армии – все это вменялось в вину Станиславу Августу. Ко всему этому прибавлялись еще и упреки в том, что он окружал себя главным образом иностранцами, а это способствовало ущемлению всего национального, и в том, что он подавал дурной пример своему народу, ведя из-

лишне роскошный и беззаботный образ жизни.

Не мне судить, смог ли бы любой другой на месте Станислава Августа противостоять всем этим бедам, обрушившимся на него со всех концов Польского государства. Один весьма уважаемый автор³, говоря об этом правителе, утверждал, что *«на протяжении всего его царствования его преследовала злая участь быть тиранически порицаемым то собственным народом, то соседями. Поскольку в нем было мало энергии, но много просвещенности, то его проницательный ум мог лишь предсказать ему его будущие несчастья, но не смог уберечь его от них»*.

Однако является очевидным, и этого никто не может оспаривать, что за время его царствования, так мало удовлетворявшего нацию, произошли положительные изменения в системе образования и во всем образе мыслей поляков, выросло новое поколение, выдвинувшее выдающихся людей, способных послужить родине своей энергией и талантами и вывести ее из того позорного и униженного состояния, в котором она находилась уже долгое время.

Это было, несомненно, милостью Провидения – посреди всеобщего уныния принести стране некоторое утешение и надежду на более радужное будущее.

Столь неудачливый в своем правлении, но жаждущий добра и прекрасно образованный, Станислав посвящал наукам, литературе и искусствам каждую минуту, которую мог

³ Ségur. Tableau politique de l'Europe.

уделить им, не нанося ущерба государственным делам. Он окружал себя учеными людьми, щедро платил им и усердно занимался распространением просвещения в своей стране.

Именно в его правление Конарский организовал благотворительные школы, реформировал методы обучения и издал несколько полезных трудов. Богомолек издавал просветительскую газету, написал несколько комедий для национального театра и боролся с предрассудками простого народа. Красицкий, самый изысканный и разносторонний из поэтов, критиковал, развлекал и наставлял. Венгерский, с его блестящим сатирическим умом, позволял себе говорить горькие истины прямо в глаза великим мира сего своими стихами, приправленными солью остроумия. Копчинский составил грамматику и подчинил язык четким правилам. Нарушевич, знаменитый историк и поэт, перевел Горация и Тацита, а затем, приняв первого за образец стихосложения и поднявшись до стилистических высот второго, написал историю своей страны. Трембецкий мог бы, вероятно, заслужить пальму первенства среди поэтов его царствования, если бы был менее ленив и женолюбив. Ученый Альбертранди, знаток античности, посланный королем в Стокгольм и Рим, обогатил национальные архивы более чем сотней ценных томов, написанных его рукой. Астроном Почобут, физик Стржецкий, а также Снядецкий, Скржетуцкий, Вырвич, Сташиц, Коллонтай и многие-многие другие ученые и литераторы вложили свой труд в образование молодежи в раз-

личных областях знания, способствовали привитию ей вкуса к учебе и расширению области знаний и просвещения.

Но ничто так не способствовало разрушению старых предрассудков и развитию свойственной полякам склонности к образованию, а значит и созданию целого питомника образованных молодых людей, как организация военной школы кадетов и учреждение Эдукационной комиссии. Только этих двух государственных органов хватило бы, чтобы дать представление о том, на что был бы способен этот король, если бы его энергия соответствовала его талантам и если бы его несчастная судьба не восставала против самых лучших его намерений.

По мере того как создавались и заполнялись учениками национальные школы и начинало уже ощущаться благотворное воздействие новой системы образования, все в стране принимало новый облик. Заметно менялись привычные понятия и мнения повсюду – и в столице, и в провинциях.

Вскоре уже трудно было найти такого человека, который не хотел бы учить родной язык по правилам, разговаривать на нем чисто и правильно, писать на нем точно и изящно. Начали изучать историю своей страны, вспоминать ее знаменитых людей, воспевать их выдающиеся деяния, возрождать интерес к старинному национальному костюму.

Усовершенствовался и польский театр, находившийся под особым покровительством короля: появились авторы-драматурги, такие, как князь Адам Чарторыйский, За-

блочный, Князьнин, Немцевич и Осинский – все они явили подлинный талант. Появились и хорошие актеры, среди которых Богуславский, ставший сейчас их старейшиной и бывший для них образцом, стремился основательно расширить репертуар оригинальными пьесами или же переводными, в прозе и стихах.

Вкус к военному делу, верховой езде и прочим гимнастическим упражнениям заменил в молодых людях тягу к пустым развлечениям и способствовал их физическому развитию – так же как образование способствовало пробуждению их душевных сил.

Польские дамы, любезность и ум которых всегда вызывали одобрение всей Европы, теперь соперничали между собой в выражении патриотизма и восхваляли все национальное. Можно представить, какое воздействие имели все эти проявления на кипучие натуры молодых людей, возмущенных иноземным господством.

Благовоспитанный тон господствовал повсюду. На многочисленных собраниях царил атмосфера веселья и игривости. Молодые люди посещали их с удовольствием, но не греша при этом напыщенными манерами, являя на них ум без педантизма и любезность без претенциозности.

На этих собраниях можно было встретить Юзефа Понятовского, Игнация и Станислава Потоцких, Чарторыйских, Сапег, Малаховских, Мостовских, Вейсенгофов, Матусевичей и многих других, которые затем заслужили вечную бла-

годарность родины.

Таковой представала Варшава в то время, когда был созван так называемый конституционный сейм, или четырехлетний сейм, 1788 года. Все, кто чувствовал в себе достаточно сил и способностей, спешно старались стать избранными нунциями⁴, иначе говоря, представителями нации, чтобы принять участие в выработке постановлений этой ассамблеи, которая должна была изменить судьбу родины и послужить ее укреплению.

Десять лет передышки были достаточным временем, чтобы подумать о средствах выхода из того унижительного положения, в котором оказалась нация. Каждая партия видела по-разному пути достижения этой цели, но все были убеждены в необходимости ее достичь. Когда же распространились слухи о новом разделе Польши, все подняли головы.

Заседание сейма было назначено на 30 сентября. 6 октября представители нации собрались. 7 октября был составлен и подписан акт о конфедерации. Это стало первой победой над партией, которая не соглашалась на объединение штатов, чтобы в случае надобности иметь право применить *liberum veto*⁵.

Малаховский был избран маршалком сейма от Короны, а

⁴ От *nuntius* (лат.) – вестник. Здесь – представитель в сейме. (Примеч. ред.)

⁵ «Свободное вето» (лат.) – право любого члена сейма Речи Посполитой своим единственным голосом отменить постановление сейма. Впервые применено в 1652 году, отменено в 1791 году. (Примеч. пер.)

Казимир Сапега – от Литвы.

Король с удовольствием воспринимал это собрание, на котором присутствовали лучшие силы нации. Он хотел представить этому сообществу свои проекты, которые он полагал весьма разумными и спасительными для сохранения Польши. Но чтобы понять, почему таковы были его намерения, надо вспомнить о предшествующих событиях.

В мае предыдущего года король имел в Каневе свидание с императрицей Екатериной, собиравшейся посетить южные области своей империи, и в том числе Крым, который был взят ею у турок. Он поделился с ней всеобщим беспокойством о возможном новом разделе. Король также представил ей проект различных изменений, которые полагал полезными и необходимыми для своей страны. По всем этим пунктам он получил от нее в ответ, вместе со всяческими льготами, торжественное обещание сохранить Речь Посполитую в ее нынешнем состоянии и гарантировать ее независимость.

Император Иосиф, с которым он также имел возможность видаться позднее в течение этого путешествия, подтвердил со своей стороны эти гарантии, и Станислав слепо доверился заверениям этих двух монархов и проявлениям их дружеских чувств. Теперь он не сомневался, исходя из их слов, что Россия предложит Польше договор о союзничестве, и считал таковой очень выгодным, полагая, что отныне Польша будет защищена от посягательств соседей и от угрозы быть еще раз поделенной.

С этими чувствами король вернулся из Канева в Варшаву. Он также с удовольствием воспринял то, что в связи с враждебными действиями со стороны Турции, которые начались в августе этого же года, императрица предложила ему и Постоянному совету заключить с ней наступательно-оборонительный договор.

Это предложение не могло быть принято правительством Польши без отказа от прежних договоров с Турцией, так что решение вопроса было отложено до предстоящего сейма. Императрица предложила взять на содержание 30-тысячную кавалерию, набранную из польской знати, но это предложение было воспринято не лучше, чем первое.

Тем временем война с турками набирала размах. К тому же король Швеции Густав III угрожал Петербургу со стороны Финляндии, так что переговоры о заключении союзного договора становились все более неотложными, и король льстил себе мыслью, что сейм будет более покладистым.

С другой стороны, Фридрих Вильгельм, король Пруссии, напуганный союзом между Иосифом II и Екатериной против Турции, опасаясь, что в него будет втянута и Польша, старался привлечь Швецию, Голландию и Англию на сторону Турции, чтобы защитить ее и поставить барьер на пути российских амбиций. Эти силы, согласовав свои интересы, находили, что необходимо включить Польшу в этот новый альянс, но для этого нужно было, чтобы она имела независимое правительство, свободное от всякого иностранного влияния.

Какие бы упреки ни адресовались прусскому королю, особенно в связи с его дальнейшим поведением по отношению к полякам, но можно не сомневаться, что в то время он действовал честно, тем более что это согласовывалось с его собственными интересами. Можно даже утверждать, что, не участвуя в первом расчленении Польши, он в глубине души не одобрял его, видя те выгоды, которые раздел 1773 года принес России и венскому двору. Ему важно было видеть Польшу возвращенной к жизни посредством хорошей внутренней организации и усиленной значительной армией. Он хотел бы сделать ее коридором, сдерживавшим продвижение двух империй, а также дать время Пруссии восстановить силы, утраченные в войнах, которые она вынуждена была вести при его предшественнике.

До того времени Фридрих Вильгельм был известен как правитель справедливый, благожелательный и миролюбивый, стремившийся быть отцом своим подданным. Он еще не сделал никакого зла полякам, русские же сделали его много. Перед глазами поляков стояла душераздирающая картина того положения, в котором находилась страна в течение уже стольких лет. Они не видели возможности выйти из этого унижительного положения с помощью России, которая была заинтересована в том, чтобы его сохранить. Напротив, заинтересованность Фридриха в укреплении внутренней организации их страны и усилении военной силы казалась им убедительной.

Луккезини, посланник Пруссии в Варшаве, оплакивая несчастья Польши, одновременно превозносил великодушие и честность своего короля и возмущался лжецами, которые приписывали прусскому кабинету идею нового раздела Речи Посполитой. *«Фридрих Вильгельм, – говорил он, – ищет себе более благородной славы; он хочет обезопасить Европу от амбиций северных варваров; он намерен возвести преграду их жадности; его единственное желание – вернуть Польше ее блеск, ее славу, ее свободу».*

Хэйлз, посланник Англии в Варшаве, усиленно поддерживал подобные высказывания, намекал на возможность усилить Швецию английскими вооружениями и вдохновлял своими речами тех, чье мнение еще не определилось.

Людам свойственно верить в то, чего они желают, а у несчастных нет иного утешения, кроме собственной надежды. Таким образом, не следует удивляться тому, что «прусская партия» быстро росла и вскоре стала весьма значительной; в то же время влияние российского посланника падало с каждым днем.

Не могу удержаться, чтобы не процитировать несколько пассажей из уже упомянутого труда бывшего посла Франции в России графа де Сегюра насчет предложения о заключении союзнического договора, сделанного императрицей Екатериной Польше: *«Это предложение было большой ошибкой и доказало, что императрица, чья собственная гордость всегда была удовлетворена, не понимала, какое сильное недо-*

вольство и непримиримую ненависть вызывают к себе подавление, несправедливость и унижение. Никогда еще эпоха не была так неверно понята, никогда еще промах мимо цели не был так непоправим. Поляки, прежде уважаемые в Европе, еще помнили, как они побеждали пруссаков, плативших им дань; как они освободили Австрию и Вену от оттоманских орд; что москвиты часто отступали перед ними... После первого раздела Австрия и Пруссия предоставили императрице вести все дела в Польше... С того времени в Польше на самом деле правили русские посланники: их высокомерие по отношению к королю, оскорбительное презрение к нации, их роскошь, наглость и жадность, притеснения со стороны русских войск, находящихся в стране, – все это собрало на голову одной России всю ненависть, всю жажду мщения, которую должны были внушить этому угнетенному народу три двора, вместе разделивших между собой его страну. Стоило упомянуть о чем-либо русском перед поляком – и тот бледнел от страха и дрожал от ярости. Одно слово – «русский» – напоминало ему о его поблекшей славе, утраченной свободе, попранных правах, похищенном добре, преследуемой семье, оскорбленной чести... Напрасно пытались некоторые, как сам польский король, использовать сложившуюся ситуацию, чтобы открыть глаза Екатерине на ее подлинные интересы, слишком долго не понимаемые. Тщетно старались они показать, что при поддержке России могли бы реформировать свое государственное устрой-

ство, укрепить свое политическое положение и, возможно, вернуть треть своих утраченных владений. Напрасно пытались они указать, что предложения Пруссии были иллюзорными и вызванными корыстью, а затруднения этих двух имперских дворов – временные; что было бы безумием считать их ослабленными и опасно раздражать их; что в мирное время поляки останутся без поддержки и станут предметом их мести и что Пруссия, вместо помощи, договорится с ними о новом разделе... В ответ на эти робкие увещевания можно было только услышать прозвища «раба» и «предателя», а сами доводы отвергались с негодованием...»

Мне на самом деле нечего добавить к нарисованной здесь автором картине умонастроений, царивших в Польше перед началом сейма 1788 года. Мы увидим, что этому сейму можно было предъявить немало упреков, несмотря на усердие, энтузиазм и лучшие намерения, которыми вдохновлялась большая часть его членов. Так, не было дипломатичным и благоразумным восставать открыто против России, порицать ее и угрожать ей, еще не укрепившись самим и не будучи в силах противостоять ей. Можно упрекнуть этот сейм и в дурном использовании времени, которое зачастую растрчивалось в бесполезных дискуссиях перед окончательным решением двух основных вопросов – казны и армии. И наконец, сделав все возможное для того, чтобы порвать все отношения и окончательно рассориться с Россией, мощь и месть которой еще придется ощутить, и не имея другой поддержки,

кроме Пруссии и ее союзников, – зачем было уделять столько внимания передаче Торуня и Гданьска? Зачем было раздражать короля Пруссии, после того как его столько восхваляли, и зачем было терять все выгоды союзнического и торгового договора с Голландией и Англией?

Но не будем забегать вперед событий и проследим за ходом этого достопамятного сейма, который стал такой блистательной вехой в истории Польши и результаты которого были столь губительны!

12 октября посланник Пруссии Бухгольц представил сейму от имени своего двора следующее заявление: *«В конце августа 1787 года г-н граф Штакельберг, посланник России, официально заявил нижеподписавшемуся лицу, что Ее Величество императрица приняла решение заключить с королем и Польской Речью Посполитой на следующем сейме союз, единственной целью которого будет безопасность и нераздельность Польши, а также защита против общего врага. Когда нижеподписавшийся доложил об этом своему королю, то затем должен был заявить г-ну графу Штакельбергу, в соответствии с распоряжениями короля, что при всей заинтересованности Е[е] В[еличества] в этом конфиденциальном предложении, она не смогла скрыть того, что на самом деле не видела никакой необходимости в подобном союзе, особенно принимая во внимание уже существующие договоры между всеми сторонами. Если же такой новый договор полагался необходимым для Польши, то Е[е] В[еличество] должна*

предполагать и возобновление тех договоров, которые давно существуют между Польшей и Пруссией, так как последняя не менее заинтересована в благосостоянии этого соседнего государства, чем любая другая сторона». Нижеподписавшийся добавил к этому заявлению несколько собственных соображений, которые должны были доказать бесполезность и даже опасность предлагаемого союза между Польшей и Россией в соответствии с заявленной двойной целью.

Барон Келлер, посланник короля в Петербурге, был уполномочен сделать те же заявления российскому императорскому двору.

Поскольку король тем временем с удивлением узнал, что проект этого договора уже доведен до польской стороны и усиленно обсуждается в Польше и что вполне вероятно его обсуждение на ближайшем сейме, то Е[го] В[еличество] король Пруссии должен поделиться своими соображениями по вопросу, столь интересующему Польшу, в следующем заявлении:

Если предполагаемый союз между Россией и Польшей имеет главной целью целостность Польши, то король не видит в нем никакой пользы или необходимости, так как эта целостность уже достаточно гарантирована предыдущими договорами. Иначе пришлось бы предположить, что Е[е] В[еличество] российская императрица и ее союзник император Священной Римской империи намерены были нарушить их

со своей стороны. Тогда следовало бы предположить подобные намерения и со стороны прусского короля и соответственно нацелить против него данный союз.

Не является неизвестным Его Величеству то, что в последнее время распространяются сомнения относительно его взглядов на неприкосновенность некоторых частей Польской Речи Посполитой, но такие сомнения недостойны его прямоты и честности его политики. Король может заручиться свидетельством здоровой и просвещенной части польской нации, что на протяжении всего своего правления поддерживал дружеские и добрососедские отношения в ней и что не было ни малейшего основания упрекать или подозревать его в обратном.

Король, таким образом, не может лишиться права заявить торжественный протест против целей вышеупомянутого альянса, если он должен быть направлен против Его Величества, ибо он не может быть рассмотрен иначе как нарушающий гармонию и доброе соседство между Пруссией и Польшей, которые были установлены самыми достоверными договорами.

Если же второй целью данного альянса является защита от *общего врага* и под этим подразумевается Оттоманская Порта, то король должен напомнить, из дружеских чувств к Польской Речи Посполитой, что Порта уважительно отнеслась к землям Речи Посполитой в ходе данной войны и что самые опасные последствия не замедлили бы проявиться как

для территорий Речи Посполитой, так и для территорий Его прусского величества, соседствующих с ними, если бы Польша заключила союз, который вынудил бы Порту видеть в Польше врага и заполнить ее своими войсками, мало приученными к военной дисциплине.

Всякий разумный и просвещенный гражданин Польши должен без труда понять, сколь трудно было бы, а то и вообще невозможно, защитить родину от столь близкого врага, тем более когда он обладает мощью и настолько удачлив. Он также поймет, к чему привело бы развитие событий в результате такого альянса против Порты, так как статья VI договора 1773 года между Пруссией и Польской Речью Посполитой лишила бы короля возможности гарантировать Речи Посполитой целостность ее территорий, поскольку войны между Польшей и Оттоманской Портой определено исключены из этого договора.

Таким образом, предполагаемый альянс между Россией и Польшей неизбежно вверг бы Речь Посполитую, без всякой на то необходимости, в открытую войну с одним из лучших ее соседей, но в то же время и с самыми опасным ее врагом. Этот альянс лишил бы Речь Посполитую помощи и защиты короля, не предоставив ей ничего лучшего взамен.

Король, следовательно, не может оставаться безразличным к проекту столь исключительного альянса, который угрожал бы величайшей опасностью не только самой Польше, но и его собственным землям, соседствующим с Поль-

шей, и неизбежно разжег бы огонь войны – ко всеобщим бедствиям.

Король не находит нужным повторять, что Польская Речь Посполитая сейчас увеличивает свою армию и приводит свои военные силы в более дееспособное состояние, но при этом предлагает добрым гражданам Польши задуматься, не будет ли такое усиление польской армии в данных обстоятельствах злоупотреблением. Оно может вовлечь Речь Посполитую, даже против ее воли, в войну, которая ей абсолютно чужда и может повлечь самые неприятные последствия.

Король льстит себя надеждой, что Е[го] В[еличество] король Польши и представители его досточтимой Речи Посполитой, собравшись на нынешний сейм, примут к зрелому рассмотрению все, что Е[го] В[еличество] изложил здесь, исходя из принципов самой искренней дружбы и общих интересов двух государств, связанных неразрывными узами постоянного и вечного союза.

Его прусское величество также надеется, что Е[е] В[еличество] императрица России сочтет нужным одобрить изложенные здесь мотивы – столь справедливые и вполне соответствующие подлинным интересам польской нации. Он доверительно полагает, что упомянутыми обеими сторонами будет отозван проект альянса, столь мало необходимого, но столь опасного для Польши.

Если, вопреки ожиданиям, заключение упомянутого до-

говора не состоялось бы, то король, со своей стороны, предлагает досточтимой Речи Посполитой свой альянс и возобновление всех договоров, существующих между Пруссией и Польшей. Его Величество полагает себя в состоянии гарантировать ее целостность и состоятельность во всех иных областях и сделает все от него зависящее, чтобы уберечь блистательную польскую нацию от всякого иностранного посягательства, и в частности от враждебных действий Оттоманской Порты, если она последует его совету.

Если же все эти соображения и дружеские предложения короля будут отвергнуты, то он вынужден будет рассматривать вышеуказанный договор как направленный против Его Величества и как имеющий целью вовлечь Речь Посполитую в открытую войну с турками, тем самым подвергая их набедам и враждебным действиям не только территории Речи Посполитой, но и земли Его прусского величества. В этом случае король оставляет за собой право принятия любых мер, которых потребует осмотрительность и его собственная безопасность, чтобы упредить подобные действия, опасные для обеих сторон.

Если подобное все же произойдет, то Его Величество приглашает всех истинных патриотов и добрых граждан Польши присоединиться к нему, чтобы совместно избежать, с помощью обдуманых средств, великих потрясений, которые угрожают их родине. Они могут твердо рассчитывать, что Его Величество предоставит им всю необходимую поддерж-

ку и самую действенную помощь, чтобы сохранить независимость, свободу и безопасность Польши.

Составлено в Варшаве 12 октября 1788 года.

Подписано: Луи де Бухгольц».

Я переписал эту декларацию полностью, как дипломатический документ самой высокой важности для того времени, который неизбежно должен был вызвать к себе полное доверие поляков, гарантируя им самым недвусмысленным образом все, что было объектом их желаний. Это обращение произвело самое живое впечатление на все партии. Заседания сейма становились все более бурными. Посланник России почувствовал необходимость дать некоторые пояснения и заявил, что *императрица рассматривала свой альянс с Польшей как дело исключительно выгодное для Речи Посполитой, которое не должно было вызывать опасения ни у кого из соседей; что именно в таком виде этот альянс был предложен ей польским королем и Постоянным советом и она пошла навстречу их ходатайствам; но поскольку прусский король выражает подозрения по этому поводу, то она незамедлительно пожертвует своим предыдущим планом, которому она последовала бы с удовольствием и от которого теперь с сожалением отказывается.*

Можно предположить, что такая манера выражаться была выбрана для того, чтобы увеличить еще более, если это было возможно, недоверие нации к своему королю и пробудить новые подозрения, так как из этого заявления следовало, что

не Россия искала союза с Польшей, но что сам король и его Постоянный совет замыслили и представили этот проект.

Через восемь дней после декларации короля Пруссии сейм дал следующий ответ, который заслуживает быть приведенным здесь, так как он заложил основы политических взаимоотношений между Польшей и Пруссией.

«Мы, нижеподписавшиеся, по чрезвычайному указу короля и объединенного состава сейма, имеем честь передать г-ну де Бухгольцу, чрезвычайному послу Его Величества прусского короля, следующий ответ, относящийся к доводам, высказанным Его Величеством прусским королем в его декларации от 12 октября сего года.

Чтение вышеуказанной декларации Его Величества прусского короля перед полным составом сейма на заседании 13 октября пробудило у всех присутствующих живую и искреннюю благодарность, вызванную благородством образа мыслей короля – нашего соседа и друга, который, уверяя Польшу в сохранности ее владений, прибавляет к имеющимся договорам силу доверия лично к нему самому, так как он вполне соответствует тому высокому мнению, которое наша нация имеет о нем как о монархе столь же добродетельном, сколь и могущественном.

Проект альянса между Россией и Польшей, не будучи предложен сейму, прежде свободному, а ныне объединенно, не является объектом союзного акта и сводит работу ас-

самблеи, в соответствии с общим волеизъявлением нации и военных сил Речи Посполитой, не к идее наступательной, а к идее оборонительной и охранительной в отношении владений Речи Посполитой и независимого положения ее правительства.

Если в намеченном ходе заседаний конфедерация сейма все же получит предложение или проект альянса, то Речь Посполитая, в соответствии с самой природой ее сейма придерживаясь принципа гласности, открыто заявит о своих суждениях, соответствующих принципам независимости и суверенитета, правилам самосохранения, священным принципам общественного права, а также тому почтению, которое вызывают в нас дружеские чувства со стороны короля Пруссии.

Общее волеизъявление, прямое и открытое, составляет самый дух обсуждений на настоящем сейме, и в соответствии с ним объединенный состав сейма единодушно стремится создать во мнении Е[го] В[еличества] прусского короля благоприятное представление о нашей просвещенности и нашем патриотизме.

Варшава, 20 октября 1788 года.

Маршалки сейма

Малаховский и Сапега».

С того времени не было ни одного проекта новых реформ, который не был бы доведен до сведения прусского посланника и не был бы известен Хэйлзу, британскому посланнику.

ку. Было решено увеличить армию до ста тысяч человек, и она была признана независимой от короля и Совета. Было выдвинуто требование, чтобы русская армия не продлевала более своего пребывания в Польше под каким бы то ни было предлогом и чтобы маршрут продвижения войск к Турции не затрагивал ни пяди польской территории.

Тем временем граф Штакельберг, посланник России, представил вторую ноту, датированную 5 ноября.

Среди прочего посланник утверждал там, что до сего времени хранил полное молчание и не делал никаких заявлений по поводу решений сейма, которые хотя и нарушали конституцию 1775 года, согласованную между тремя правящими дворами, но не затрагивали прямо гарантийный акт 1775 года. Что он желал бы никогда не быть принужденным к прискорбной необходимости заявить протест против вмешательства в форму правления, утвержденную торжественным гарантийным актом договора 1775 года. Что идея, имевшая целью создание постоянно действующего сейма, содержащаяся в различных проектах и, следовательно, предполагающая полный переворот в форме правления, теперь вынуждает его заявить, что Е[е] В[еличество] императрица, с сожалением отказываясь от дружбы с Е[го] В[еличеством] королем и достопочтенной Речью Посполитой, отныне будет рассматривать малейшее изменение в конституции 1775 года как грубое нарушение имеющихся договоров.

В связи с этой нотой, на которую последовал ответ со скромным достоинством, имело место сильное волнение среди всех партий, и она стала объектом оживленных дискуссий. Еще большее волнение вызвала речь польского короля в ходе дебатов по поводу этой ноты: он утверждал, что Екатерина имела серьезный интерес к Польше и что дружеские отношения с императрицей были исключительно важны для Польши.

Он возвысил голос, чтобы быть лучше услышанным, и особо подчеркнул следующее свое высказывание: «Я уверенно и в высшей степени ответственно утверждаю, что нет такого государства, интересы которого менее противоречили бы нашим интересам, чем Россия. Я напоминаю своему народу, что именно России мы обязаны восстановлением части нашей страны, которая была у нас отнята. Что с точки зрения торговых отношений Россия представляет для нас самые выгодные перспективы. Что в отношении увеличения военных сил нации Россия не только не препятствовала, но охотнее всех дала свое согласие. Таким образом, я утверждаю, что мы не только не должны восстанавливать ее против нас и давать ей доказательства нашей недоброй воли, но, наоборот, должны стараться поддерживать с ней возможно наилучшие отношения. Добавлю еще, поскольку сам в этом убежден, что выказать императрице наше доброе расположение к ней – значит иметь возможность с легкостью осуществлять все усовершенствования и упорядочения, которые мы

хотим иметь в нашей стране. В противном случае этого означало бы воздвигнуть тяжкие барьеры всем нашим начинаниям и дать поводы для недовольства этой великодушной монархине».

Эта речь была встречена аплодисментами сторонниками России, а возможно, и некоторыми другими поляками, которые, не будучи ее сторонниками, видели положение дел в ту эпоху так же, как его видел король. Она вызвала разноречивые чувства и сильное волнение среди большинства членов собрания. Посланник Пруссии воспользовался этим, чтобы укрепить доверие, уже внушенное его правящим двором. 19 ноября он представил другую ноту, в которой свидетельствовал, насколько удовлетворен был Фридрих Вильгельм тем, что конфедерация сейма не намерена более заключать альянс с Россией. Он также настаивал на том, что никакое предыдущее соглашение не может помешать нации улучшить свою форму правления. Посланник заявил, что Фридрих Вильгельм всегда готов выполнить свои союзные и гарантийные обязательства по отношению к Речи Посполитой, но при этом никогда не вмешается в ее внутренние дела и не стеснит свободу дискуссий.

Сейм, большинство членов которого желали изменений в конституции, были очарованы объяснением, данным в ноте Бухгольца, относительно *гарантии*, о которой высказывалась Россия. В ответе, датированном 8 декабря, сейм возвратился к этому объяснению, приняв за принцип, что *гаран-*

тия может относиться только к независимости Польши и сохранности ее владений и что даже в этом смысле, единственно возможном, только сама Речь Посполитая имеет право заявлять о ней; что гарант не может ссылаться на нее как на собственное право, которое он может осуществлять, и еще менее – если он претендует на использование этой гарантии для того, чтобы вмешиваться в пересмотр Речью Посполитой своего законодательства и установление ею такой формы внутреннего управления, которое она находит наиболее для себя подходящим.

Прусская партия возрастала с каждым днем. С прусским посланником поддерживались самые тесные сношения. В то же время чем более обнаруживалось вопросов, требовавших обсуждения и решения, тем менее было уверенности в том, что удастся завершить эту работу в течение времени, обычно отводимого для заседания сейма. По слухам, распространяемым оппозиционной партией, заседание должно было закрыться с наступлением декабря, и это тревожило патристически настроенную партию. Чтобы рассеять всяческую неуверенность и упредить происки недоброжелателей, было предложено на заседании 29 ноября, чтобы работа сейма была продлена на неопределенное время, и это предложение было принято без серьезных возражений.

Глава II

4 декабря 1788 года на заседании уже открыто заговорили об альянсе с Пруссией, Швецией, Голландией и Англией. Впервые во многих речах, произносимых с силой и обидой, звучали высказывания против России и венского двора. Некоторые нунции прямо и горячо высказывались за альянс с прусским королем, тем более что этот альянс поддерживался и одобрялся другими сторонами, дружественными Польше.

Посланник Швеции передал ноту от имени своего монарха, в которой говорилось, что *Его Величество, который всегда принимал, и в настоящее время особенно, живое участие в благосостоянии и независимости короля и Речи Посполитой, с удовлетворением отмечает, что такой могущественный правитель, как король Пруссии, принимает близко к сердцу вопрос о независимости Польши. Е[го] В[еличество] по примеру своих предшественников так же живо интересуется судьбой столь благородной и великодушной нации, с которой он связан общими интересами, и потому не замедлит воспользоваться любыми возможностями доказать ей свои дружеские чувства и объединиться с ней для совместной обороны.*

В то же время наиболее благоразумная часть сейма была убеждена в том, что нельзя было заниматься договором

об альянсе, пока не исправлены недостатки существующего правления, которое следовало укрепить разумными реформами. Продление срока работы сейма такую возможность предоставляло. Оставалось только этой возможностью воспользоваться, но, к сожалению, ею вовсе не воспользовались так, как это следовало бы.

Только 7 сентября 1789 года была учреждена депутатская комиссия, в задачу которой входила подготовка реформ различных ветвей власти и предложений по проекту новой конституции. Законом предусматривалось, что эта комиссия должна была состоять из одиннадцати членов, из которых пять назначались королем из числа министров и сенаторов, а шестеро остальных составляли палату нунциев, избираемых исходя из их возраста, жизненного опыта, патриотических убеждений или талантов.

Вот имена тех, кто составлял эту депутатскую комиссию: Красинский, епископ Каменца; Потоцкий, маршалок литовский; Огинский, великий гетман литовский; Хрептович, вице-канцлер литовский; Коссовский, вице-казначей Короны; Суходольский, нунций от Хелма; Мощенский, нунций от Брацлава; Жалинский, нунций от Познани; Соколовский, нунций от Вроцлава; Вавжецкий, нунций от Браслава; Вейсенгоф, нунций от Ливонии.

Было бы неправильным утверждать, что до этой даты, то есть до 7 сентября, сейм совершенно бездействовал, но вопросов первоочередной важности было рассмотрено мало.

Был распущен Постоянный совет, созданный и до тех пор поддерживаемый Россией, – это было самое заметное событие или, точнее, самое смелое решение ассамблеи в первые дни января. Затем было единодушно принято решение о займе десяти миллионов для казны Короны и трех миллионов – для Литвы. И наконец, много времени было потеряно на процесс Понинского и на мелочные дискуссии по маловажным вопросам.

Сторонники российской партии, которые только радовались медлительности работы сейма, часто затевали дискуссии, чтобы обострить обстановку и вызвать раздражение патриотов. Они пользовались этим, чтобы посеять разногласия между различными партиями, которые еще не определились окончательно в своих мнениях. Под маской патриотизма они высказывались против Фридриха Вильгельма и его посланников, чтобы возбудить против них недоверие и подозрения.

Если бы тогда прислушались к настоящим и разумным патриотам, которые рассматривали происходящее под истинным углом зрения; если бы можно было ускорить принятие решений сеймом; если бы конституция 3 мая 1791 года была принята на восемнадцать месяцев раньше, – то Польша была бы спасена. Она имела бы достаточно времени, чтобы упрочить систему управления страной и укрепить свои силы с 1789 по 1792 год. Она не утратила бы все преимущества альянса, искренне предлагаемого тогда прусским королем. Она не оставила бы России времени заключить мир с

турками и со Швецией. Она сумела бы предупредить сближение между Россией и Пруссией, которое было вызвано внутренними волнениями во Франции, происходившими в 1792 году. Именно это сближение совершенно переменяло намерения Фридриха Вильгельма по отношению к Польше, изменило характер и образ его мыслей, настроило и вооружило почти всю Европу против Франции. Результатом всего этого стали лишь рост революционного фанатизма, возбуждение умов и оставление Франции на произвол анархии. Мне нет необходимости добавлять, что этому же сближению Польша была обязана Тарговицкой конфедерацией, новым разделом, затем восстанием – благородным, но не увенчавшимся успехом – и, наконец, полным своим исчезновением из числа политических сил Европы.

Нунций от Литвы, Корсак, не имея выдающихся талантов многих своих коллег, обладал зато их патриотизмом, преданностью родине и свойственным ему большим здравым смыслом и потому часто прерывал речи, произносимые на сейме, возгласами: *«Деньги и армия! Вот два предмета, которыми мы должны здесь заниматься!»* Он был прав, но его не слушали.

Была назначена новая депутатская комиссия по иностранным делам: были приняты все меры предосторожности, чтобы в нее не попал никто подозрительный. На заседании 9 декабря было решено послать своих представителей в Константинополь, Швецию, Данию, Голландию, Берлин, Дрез-

ден, Испанию, Лондон и Париж.

В конце 1789 года на сейме было зачитано послание короля Фридриха Вильгельма, в котором этот правитель вновь предлагал Речи Посполитой свою дружбу, выражал надежду на взаимность и пожелание видеть ее процветающей и могущественной. Он высказывал пожелание, общее с Англией и Голландией, установить с Польшей связи, которые не могли бы быть разрушены никакими интригами. В связи с этим он хотел бы, чтобы форма правления в Польше была установлена и закреплена как можно скорее, потому что от этой формы зависело в будущем счастье нации.

Депутатская комиссия по иностранным делам сообщила это послание сейму и прибавила к нему доклад о своих переговорах с посланниками Пруссии и Англии. Луккезини, который заменил на этом посту Бухгольца с 27 апреля 1789 года, снова и снова повторял, что прусский король видит больше политических выгод для Польши в установлении прочной системы правления, нежели в великолепной армии, но при такой конституции, которая оставляет Речь Посполитую во власти бесконечных дискуссий и постоянных потрясений. Хэйлз разделял это мнение, и когда депутаты спросили у обоих посланников, должны ли их мнения и заявления быть доложены сейму, то Луккезини ответил без колебаний: «Я думаю даже, что мы имеем право настаивать на этом, чтобы мы и наши правящие дворы не оставались более в неведении относительно дальнейшей судьбы Польши».

После этого доклада депутатов речь на сейме шла только о разработке основных статей новой конституции. Но возникли препятствия, которые казались непреодолимыми. На первое место встал вопрос, может ли сейм устанавливать ее основные положения, не будучи законно уполномочен на это всей нацией. В конце концов убедительные высказывания многих членов сейма, в особенности маршалка литовского Игнация Потоцкого, возобладали на ассамблее. Сам король позволил увлечь себя всеобщему мнению о том, что необходимо внести изменения в конституцию, имеющие целью улучшение формы правления в Речи Посполитой. Появился проект реформы конституции, состоявший из восьми статей, озаглавленных «Принципы совершенствования Конституции». В таком виде они были представлены на рассмотрение сейма:

Ст. I. Из обязанности нации обеспечивать и охранять свободу, частную собственность и личное равенство граждан следуют нижеуказанные права и полномочия, принадлежащие нации: 1. создание законов и подчинение только данным установленным законам; 2. утверждение денежных знаков, налогов, расходов общественной казны, наблюдение за ее использованием и получение отчетов о ее использовании; 3. сношения с иностранными государствами, заключение мира и альянсов и объявление войны; 4. наблюдение за советами (стражами) и другими исполнительными властями, которые

обязаны нации, избравшей их, отчетом об исполнении своих обязанностей; 5. избрание королей, большого совета, судей сейма и других форм общественной власти, известных под наименованием «республиканские комиссии».

II. Нация передает свои права и исполнение связанных с ними обязанностей своим нунциям, делегированным в сейм. С этой целью должны быть созваны предварительные сеймики, на которых граждане, имеющие земельную и недвижимую собственность, а также их дети имеют право подавать голоса для избрания своих нунциев, или полномочных представителей, а также для дачи наказов в отношении их законодательной деятельности, возлагая на нунциев полную ответственность за их деятельность.

III. Чтобы власть, облеченная доверием нации, была в состоянии осуществлять наблюдение и действовать, отныне сейм будет постоянно действующим в течение двух лет. Это означает, что по окончании обычного срока работы сейма нунции возвращаются к делегировавшим их сеймикам, чтобы дать им отчет о своей деятельности, где, в зависимости от их поведения, они могут быть либо заменены, либо оставлены с высшими полномочиями для обычной деятельности и в случаях чрезвычайных нужд Речи Посполитой. При необходимости постоянно действующий сейм может и будет созван в обязательном порядке: 1. во всех неотложных случаях, касающихся прав людей; 2. в случаях внутренних волнений в Речи Посполитой или кризиса правления при конфликтах

между органами общественного управления; 3. при очевидной угрозе голода; 4. в случае смерти или тяжелой болезни короля. Во всех вышеуказанных случаях решения, принятые сеймом, не будут считаться входящими в Кодекс законов гражданских, уголовных и политических, однако они будут обязательными для исполнения как для различных органов власти, так и для всех подданных Речи Посполитой, являясь указами, изданными высшей властью сейма, и будут иметь силу закона вплоть до их отмены очередным по порядку заседанием сейма.

IV. Волеизъявление нации через ее законодательную власть отныне будет определяться единогласием или большинством мнений. Единогласие необходимо в случае принятия основных законов; три четверти – в случае принятия политических законов; две трети – при установлении налогов; простое большинство – для законов гражданских и уголовных.

V. В наблюдении за деятельностью большого совета и республиканских комиссий разного уровня члены сейма будут руководствоваться положениями будущей конституции; что же касается заключения договоров, альянсов, объявления войны – в этих случаях решающим количеством голосов являются две трети.

VI. Нация придает равное значение качеству принятых законов и их исполнению и потому, наряду с судебными полномочиями высших судебских органов, комиссий воеводств

и республиканских комиссий, признает необходимость надзора, а также общего и единого руководства в отношении как внутренних, так и иностранных дел, и передает это высшее руководство в руки короля и его совета (стражи), члены которого будут ответственны перед сеймом, не имея права в нем голосовать.

VII. Магистратуры, исполнительные власти несут ответственность за свои действия и потому должны быть объектом надзора и могут даже подвергаться преследованию в случае их недобросовестности. Решения сейма, не имеющие отношения к законодательной деятельности, должны быть закреплены. Этот трибунал должен быть заключен в определенные рамки, и деятельность его строго определена.

VIII. После принятия конституции на предложенных основаниях будет гарантировано, что конфедерационные сеймы не смогут и не будут иметь места, не будут считаться законными; в случаях же установления законов такими конфедерациями и само собрание, и принятые им законы не будут считаться обязательными для исполнения.

После нескольких заседаний эти восемь статей были приняты единогласно. В то же время они не отвечали интересам тех, кто хотел сразу поднять вопрос о передаче трона по наследству, – чтобы предотвратить в будущем все те злоключения, которым подвергалась Польша в результате выборности королей. Затрагивать сразу этот пункт, однако, оказалось

слишком трудным. Мнения разделились, и слышалось даже живейшее возмущение по этому поводу.

Старинные предрассудки; обычай, существовавший в течение многих веков; колебания в выборе семейства, которому можно было бы доверить наследуемый трон; вынужденность отказа от претензий на трон других благородных родов, которые могли на него претендовать, – все эти соображения говорили в пользу выборной королевской власти. Но сам ход времени, который все расставляет по своим местам, привел, хотя и позднее, к необходимости такого изменения, которое стало, несомненно, самым значимым в организации образа правления в Польше, хотя его принятие первоначально вызвало более всего возражений.

Король Польши, который принес клятву *pacta conventa* не предпринимать никаких шагов, чтобы сделать свою власть наследственной, сохранял посреди всех этих дискуссий пассивную роль, с тем большим основанием, что он не видел ни в одном члене своего семейства своего возможного преемника. В то же время, когда у него спрашивали его мнение и советовались с ним, кого бы он мог еще при жизни назвать своим преемником, достойным трона после него, то он повторял (и я сам слышал это) только следующее: «*Я знаю, что восходящее солнце затмит мое заходящее солнце, но я убежден, что все эти промежуточные царствования, с тех пор как корона стала наследственной, привели Польшу к ее упадку*».

Еще один пункт оказался не менее трудным для обсуждения и принятия: это была просьба третьего сословия о получении права гражданства. До сих пор вся власть, законодательная, исполнительная и судебная, находилась исключительно в руках дворянства. Как видно из последующего хода событий (и это одно из решений, которое делает более всего чести этому сейму), эта ассамблея, состоявшая из одних дворян, не вынуждаемая никакими другими соображениями, кроме справедливости и блага для государства, без долгих раздумий отказалась от своих исключительных привилегий, чтобы разделить их с жителями городов.

Нет сомнения и в том, что если бы работа этого сейма не была прервана и впредь навсегда ограничена, уничтожено было бы и рабство крестьян, так как были предприняты самые разумные шаги по подготовке и постепенному подходу к этому переломному моменту, чтобы не вызвать сильного потрясения в обществе и не посягнуть на права дворян-собственников. В то время как в других государствах третье сословие стремилось путем кровавых революций вырвать у дворянства себе права и уничтожить аристократию, дворянский орган власти в Польше, напротив, предупредил желания других классов общества, заботясь при этом только об интересах и благополучии государства.

В целом, настроенность членов ассамблеи была благожелательной и намерения – честными. Большая часть стремилась урезать власть олигархии и установить такой тип монар-

хии, при котором нация могла бы пользоваться всеми благами политической независимости и разумной свободой. Тех, кто думал иначе, было мало. Однако были споры по поводу тех или иных форм, и эти споры носили весьма живой характер, так как вопросы, вынесенные на обсуждение ассамблеи, никогда ранее не рассматривались сеймом и, соответственно, представляли перед всеми в новой и необычной форме.

Иначе обстояло дело с вопросом о налогах и добровольных взносах на благо отечества. Было установлено без всяких споров, что дворянство должно уплачивать государству десятую часть своих доходов, а владельцы староств⁶ – половину. В то время как дворянство не щадило себя, чтобы удовлетворить нужды государства, было решено, что сельские жители заслуживают послабления и не должны платить больше, чем платили до сих пор. Помимо установленных налогов, наиболее состоятельные жители трех областей государства – Великой Польши, Малой Польши и Литвы – сделали значительные взносы в общую казну, и сам король последовал этому примеру. Духовенство, со своей стороны, также сделало значительные пожертвования.

30 декабря заседания сейма были отложены до 3 февраля 1790 года, и маршалкам было вменено в обязанность направить универсалы во все воеводства, чтобы довести до них

⁶ Административно-территориальная единица, земли которой принадлежали королю и передавались им дворянам в пожизненное пользование за определенные заслуги. (Примеч. пер.)

решения, принятые сеймом.

Тем временем Россия объявила через своего посланника в Берлине, что она не будет препятствовать альянсу Пруссии с Польшей. Прусский посланник официально сообщил сейму об этой декларации. Затем он сообщил депутатской комиссии по иностранным делам, что король Пруссии одобрил проект реформ, принятый сеймом; что он готов предложить Польше оборонительный союз и предлагает наполовину уменьшить сборы, налагаемые его таможенными на ввоз товаров из Польши. При этом посланник не скрывал, что Фридрих Вильгельм желал отделения для Пруссии Торуня и Гданьска⁷ с частью их территории и что он был бы согласен на соответствующую компенсацию, выгодную для Польши.

Сейм рассмотрел выгоды предложенного альянса, и мнения разделились. Многие его члены хотели сохранить нейтралитет, другие высказывались против нейтралитета, но после провозглашения независимости нации и для ее обеспечения альянс с сильным государством стал восприниматься как необходимый. Некоторые хотели, чтобы договор об альянсе сразу сопровождался торговым договором. Другие настаивали, чтобы договор об альянсе был заключен в первую очередь и что необходимо определенное время, чтобы обсудить торговый договор и заключить его к выгоде обеих сторон. Это мнение возобладало, и противники прусской пар-

⁷ В оригинальном тексте автор везде предпочитает использовать немецкие названия этих городов: Торн и Данциг. (Примеч. пер.)

тии радовались, видя, что переговоры затягивались, препятствия и трудности умножались и тем самым России представлялось достаточно времени, чтобы договориться с королем Пруссии.

Тем временем Луккезини, сделав свое предложение относительно Торуня и Гданьска, добавил, что имел указание своего короля не настаивать на нем, если возникнут трудности и противодействие; то есть он настаивал преимущественно на договорах об альянсе и торговле.

Король Польши, убедившись, что большинство ассамблеи высказалось в пользу прусской стороны, и сам увлеченный речами Луккезини, вознес хвалу прусскому королю в своей речи, которую он произнес после обсуждения договора об альянсе. В ней он резюмировал все, что было сказано за и против, и заявил, что присоединяется к большинству. Это заявление короля еще более способствовало уменьшению оппозиционной партии, и Луккезини воспользовался этим, чтобы сделать конфиденциальное сообщение о том, что Россия «предложила королю Пруссии отдать ему во владение земли Великой Польши, если он примет нейтралитет в войне с турками». Это открытие, переходя из уст в уста, вынудило членов оппозиции вовсе замолчать, и альянс с Пруссией был утвержден на заседании 15 марта почти единогласно. Затем немедленно занялись редактированием договора, который был подписан 29 марта и ратифицирован 5 апреля.

После ратификации этого договора, когда начались дис-

куссии по поводу торгового соглашения, я получил приказ ускорить мой отъезд в Голландию с порученной мне миссией.

Годом ранее, когда встал вопрос о назначении посланников к иностранным дворам в Константинополе, в Англии и в Швеции, я отказался от всех предложений, так как в то время я не видел, чтобы наши дела находились в более или менее определенном состоянии. Я наблюдал экзальтацию с одной стороны, недобрые намерения и препоны – с другой. Мне казалось, что строились слишком обширные планы при малых возможностях их осуществления.

Я не понимал, что могут предпринимать польские посланники при иностранных дворах, в то время как сама Польша не была в состоянии выйти из-под опеки могущественных соседей, которые поделили ее, и потому оставалась слабой – без армии, без казны и без утвержденной формы правления.

Я разделял энтузиазм всех добропорядочных граждан, восхищался их воодушевлением, энергией и талантом. Но я видел, что ассамблея поделилась на разные партии, что жители столицы и провинций присоединялись к этим разногласиям. Кроме того, видел медлительность работы сейма, подрывную деятельность интриганов, стремившихся расстроить эту работу, и потому я укрепился в своем решении не отправляться с миссией ни к какому иностранному двору, надеясь на месте быть более полезным моей родине.

Тем временем, через несколько месяцев, к концу 1789 го-

да, Петр Потоцкий был назначен посланником в Константинополь, Георгий Потоцкий – в Швецию, Адам Ржевуский – в Данию, князь Юзеф Чарторыйский – в Берлин, Непомук Малаховский – в Дрезден, Тадеуш Морский – в Испанию, Франц Букатый – в Лондон, Станислав Потоцкий – в Париж, меня же направили с миссией в Голландию.

Эту новость мне привез курьер на мою родину, в Литву. Я немедленно отправился в Варшаву, понимая, что не могу и не должен отказываться от этого назначения в то время, когда положение дел существенно переменялось и речь идет о том, чтобы оправдать надежды моих соотечественников.

Я попросил лишь немного времени, чтобы уладить свои семейные дела, и затем, получив инструкции и верительные грамоты, в июне покинул страну.

Глава III

Я прибыл в Бреслау 21 июня 1790 года. Внешне в городе царило полное спокойствие, но все умы обретались в состоянии беспокойства и неуверенности в связи с военными приготовлениями Леопольда и Фридриха.

Князь Яблоновский, польский посланник при берлинском дворе, уже несколько дней ожидал курьера с распоряжением о его отъезде в Рейхенбах, где должен был состояться конгресс. Князь Реусс, австрийский посланник, барон Рид, посланник Голландии, и Эварт, представитель Англии, находились в таком же ожидании.

Английский представитель сообщил мне, что император Леопольд направил дружеское послание прусскому королю, где заявлял, что с удовольствием примет все предложения, которые будут ему сделаны. Соответственно можно было предположить, что все устроится к общему удовлетворению. Однако не таково было мнение графа Войны, посланника Польши при венском дворе, который в переписке с князем Яблоновским прямо говорил о том, что Леопольд и слышать не хотел об уступке части Галиции Польше, чтобы возместить ей ущерб в том случае, если она уступит Торунь и Гданьск прусскому королю. Говорил и о том, что война неизбежна, хотя Леопольд явно ее не хотел, тогда как его министры, особенно князь Кауниц, употребляли все возможные

средства, чтобы склонить его к ней.

22 числа я нанес официальные визиты всем посланникам, а также графу Гойму и князю Гогенлоэ – коадьютору епископства в Бреслау. Я должен был продлить на некоторое время мое пребывание в этом городе, чтобы выполнить кое-какие особые инструкции, полученные мною, затем, проездом через Силезию, пронаблюдать за ходом переговоров между австрийской и прусской сторонами, но при этом не давая понять, что я имею на это полномочия. Однако последующие указания заставили меня ускорить отъезд, как я уже упоминал выше.

Я узнал через князя Яблоновского, что г-н де Герцберг выражал желание повидаться со мною, когда я буду направляться в Голландию, что он советовал мне представиться прусскому королю, прежде чем отправиться к месту назначения, и что он брался сам проводить меня в штаб-квартиру.

Это предложение меня устраивало. 23-го числа я отправился в Рейхенбах. Там я был очень хорошо принят г-ном де Герцбергом, однако с прискорбием увидел, что премьер-министр нашего нового союзника-короля имел в целом очень неблагоприятное мнение о польской нации. Все вопросы, которые он задал мне относительно сейма в Варшаве, мнение, высказанное мне о разных примечательных личностях на этом сейме, недовольство препятствиями, чинимыми торговому договору между Пруссией и Польшей, которое он не мог скрыть, – все это убедило меня в его нелюбви к поля-

кам. Он выступал за альянс с ними только потому, что придерживался принятой им схемы – ослабить Австрию, обеспечить Пруссии Торунь и Гданьск и, следовательно, быть готовым к давлению со стороны лондонского кабинета. Именно в этих вопросах посланник Эварт непрерывно воздействовал на него, упирая на необходимость и преимущества англо-прусского союза.

Что же касается самого прусского короля, то похоже было, что он действительно испытывал уважение и приязнь к польской нации. До сего времени этот правитель был известен с благоприятной стороны и всегда проявлял лояльность, что обеспечило ему всеобщее уважение. Общественному мнению предстоит впоследствии решить, не явилось ли его дальнейшее поведение по отношению к той же Польше темным пятном на его царствовании и не должно ли это значительное изменение в образе его мыслей и действий омрачить мнение о его царствовании – таком благородном и блестящем в начале... Несомненно, что в то время благоприятное мнение о нем вызывало искреннее желание узнать его лично. Мысль о том, чтобы быть представленным Фридриху Вильгельму лично, была для меня тем более лестной, что мне предстояло исполнять роль посланника при том дворе, где главой правительства была его родная сестра.

Г-н де Герцберг сказал мне, что он ожидает со дня на день прибытия из Вены князя Реусса, а также г-на Шпильмана, и что он попытается выторговать для Польши какое-либо вы-

годное условие, так как ее интересы он не отделяет теперь от интересов Пруссии.

В то же время я заметил, что он не слишком удовлетворен ответами, предварительно полученными из Вены. Он заметил в разговоре со мной, что не может покинуть свой пост ни в тот день, ни в следующий и что если я не хочу останавливаться в Рейхенбахе, то могу отправиться один в Шонвальд, где в то время находился король, который с удовольствием примет меня. Он дал мне рекомендательное письмо генералу Кокерицу, адъютанту Его Величества, который и должен будет представить меня ему.

Я незамедлительно отправился в Шонвальд, находившийся всего в двух милях от Рейхенбаха. В окрестностях этой деревни находились прусские войска, содержащиеся в состоянии готовности. Король, таким образом, находился в двух лье от границы и каждый день совершал объезд лагеря, а в оставшееся время работал у себя.

Я прибыл в Шонвальд в послеобеденное время, когда король совершал свою обычную прогулку верхом. Поскольку мне не могли сказать точно, когда он вернется, что могло случиться довольно поздно, я ограничился тем, что доставил письмо г-на Герцберга генералу Кокерицу. Затем я отправился в деревню Олберсдорф, в одной миле от Шонвальда, — она была определена в качестве штаба для гетмана Огинского. Там меня догнала эстафета из Бреслау с бумагами из Варшавы, в которых содержался приказ не останавливаться

в Силезии и немедленно продолжить путь в Гаагу.

Я не знал, чем был вызван этот неожиданный приказ, и, боясь, чтобы в Варшаве меня не обвинили в желании лично представиться королю, нашел некий предлог, чтобы уехать в тот же вечер, и покинул Олберсдорф, не повидавшись с королем. Спустя несколько часов король прислал своего адъютанта, чтобы пригласить меня назавтра отобедать с ним, и потом упрекал моего дядю за то, что он не убедил меня остаться, но я был уже далеко.

Поскольку высказывались различные предположения по поводу моего внезапного отъезда, я счел себя обязанным назвать настоящую его причину, ведь никакой другой действительно не могло быть.

Я вернулся в Бреслау утром 25-го и в тот же день вечером уже был по дороге в Дрезден.

Перед моим отъездом из Бреслау Эварт дал мне понять, что, судя по последним новостям из венского кабинета, там уже подумывали о возможности войны, которая могла разразиться буквально на днях. При этом он добавил, что прусский король, не желая ни компрометировать, ни подставлять под удар поляков, не потребует от них помощи, которую они обязаны были ему представить в соответствии с договором, — чтобы дать им возможность сохранить достойный нейтралитет.

26-го числа, проездом через Лейгниц, я встретил королевских гвардейцев из Потсдама, которые направлялись к Шон-

вальду. По дороге я видел также разные военные части, шедшие к границе Богемии, – это направлялось подкрепление армии, которая должна была в целом насчитывать около ста тысяч человек.

Тем временем, несмотря на все эти военные приготовления и препятствия, которые создавали министры обоих дворов на путях к примирению, их монархи обменялись личными письмами, и в результате переговоров в Рейхенбахе была заключена договоренность, подписанная 27 июля 1790 года.

Этот дипломатический акт серьезно повлиял на весь ход дел в Польше. Больше не шла речь, как предполагалось ранее, о Галиции, которая должна была стать компенсацией Польше за Торунь и Гданьск. Их жаждал заполучить прусский король. Леопольду были сделаны некоторые намеки на то, что этот проект выдвигала Россия, чтобы наказать его за нежелание продолжать войну с Турцией. Она хотела, чтобы он потерял Галицию, а также стремилась расположить к себе Пруссию, предложив ей Торунь и Гданьск, на что поляки охотно бы согласились, чтобы получить обратно свои области, некогда захваченные Австрией.

Леопольд решил парировать этот удар, начав переговоры с прусским королем: он предложил ему свое посредничество по вопросу о Торуне и Гданьске в обмен на некоторые преференции, которые могли быть предложены ему самому. Хотя на этот счет состоялся только конфиденциальный обмен мнениями, граф Война, польский посланник, счел себя обя-

занным сообщить своему двору дошедшие до него сведения: речь шла о договоренности, что прусский король должен помочь расширить границы Галиции за счет Польши, если император облегчит ему приобретение Торуня и Гданьска.

Известна официальная декларация, которую через некоторое время сделал прусский король через своего посланника, чтобы опровергнуть эти слухи, так как они посеяли тревогу среди членов сейма. Он написал также графу де Гольцу, своему посланнику, который заменял в то время Луккезини: *«Я не нахожусь слов, чтобы выразить мое удивление тому, что такие слухи могли распространиться в Польше, и еще более – тому, что, когда мне приписывают подобные намерения, можно было в самой малой степени им поверить. Я приказываю, чтобы вы немедленно засвидетельствовали от моего имени ложность этих сведений; вы должны везде и при любом удобном случае заявлять убедительно и торжественно, что эти слухи злонамеренно распускаются, чтобы посеять рознь между мною и сеймом и возбудить недоверие нации по отношению ко мне. Я смело утверждаю, что никто не сможет привести ни малейшего доказательства того, что между мною и венским двором могло произойти что-то, подтверждающее подобные подозрения; речь не только никоим образом не шла о новом разделе Польши, но я был бы первым, кто восстал бы против этого».*

Все же переговоры в Рейхенбахе, сблизившие венский и берлинский дворы, не могли не вызвать беспокойства и по-

дозрений в Польше.

Леопольд видел, что Нидерланды охвачены восстанием, а Венгрия жаждет отвоевать обратно свою независимость, и понимал невозможность призвать первое из этих государств к порядку без применения силы и противостоять претензиям венгров, если прежде не будет закончена война с Турцией.

Он знал, что прусский король подстрекал Порту к продолжению этой войны и дал распоряжение своему посланнику в Константинополе подписать договор об альянсе. Он знал также, что прусский двор может ему помешать двинуть армию в Нидерланды. Поэтому пришлось перестать прислушиваться к мнению князя Кауница. К тому же его собственная мягкая и миролюбивая натура противилась новой войне.

Прусский король без всяких затруднений согласился на то, чтобы Леопольд провел свои войска в Нидерланды, но с условием, что эти земли не будут считаться завоеванными и сохранят свое прежнее устройство. Вторым условием было заключение перемирия с Турцией, чтобы договориться затем о заключении мира, по которому ей будут возвращены все завоевания австрийцев.

В ходе всех этих переговоров речь о Польше вообще не шла, и это сближение венского и берлинского дворов было для Польши пока лишь печальным предзнаменованием.

После подписания этих договоренностей австрийские войска направились маршем в Нидерланды, и с революцией там было вскоре покончено. Предварительные переговоры

с Турцией были также подписаны почти в точном соответствии с этими договоренностями.

Я возвращаюсь к своему путешествию. Не буду рассказывать о своем пути через Дрезден, где я остановился на несколько дней, о Лейпциге, Хальберштадте, Брунсвике и Ганновере, так как я исключил из этих «Мемуаров» всю описательную часть своих путешествий и составил из них отдельный том. На некоторое время я оказался лишен политических новостей, в особенности новостей из моей страны, но я должен был быть вознагражден за эти лишения по прибытии в Гаагу, которую недаром называли «обсерваторией дипломатов». Я прибыл в нее как раз в тот момент, когда новости стали стекаться туда со всех сторон. Я приблизился к арене действий французской революции, впрочем и нидерландской тоже. В свои двадцать четыре года я был в полном восторге от того, что наконец увижу вблизи события, которые издали вскружили мне голову и обострили мое любопытство!.. Я тогда не знал еще трагической стороны всех революций и признаю, что в пылу молодости и при всех тех либеральных принципах, которыми я был напичкан с детства, от души поздравлял себя с удачей иметь миссию при дворе, столь близком к Франции. Мне казалось, что она даст мне примеры чистейшего патриотизма, удивительнейших героических деяний и того мужественного и возвышенного красноречия, которое любовь к свободе делает таким ярким и убедительным.

С тех пор я прожил много лет, наполненных разнообразным опытом, прежде чем понял, как легко позволить обольстить и увлечь себя очарованием новизны и как трудно при этом предвидеть последствия, к которым приведет разрушение старого режима правления и полный переворот в системе учреждений, которые составляли его основу.

Итак, я прибыл в Гаагу 18 июля и не мешкая представил оригиналы моих верительных грамот президенту ассамблеи Генеральных Штатов Соединенных провинций. Их копии, по сложившемуся обычаю, я передал премьер-министру Ван дер Шпигелю и два дня спустя узнал, что назначена депутация из двух членов ассамблеи, чтобы официально сообщить мне, что я принят в качестве чрезвычайного и полномочного посла Е[го] В[еличества] короля и светлейшей Речи Посполитой Польши. Эта декларация сопровождалась самыми дружелюбными выражениями в адрес короля и польской нации.

Вскоре я был представлен принцу и принцессе и с удовольствием увидел себя посреди блестящего и любезного общества.

В то время послом Англии в Гааге был лорд Окленд. Его тон, манеры, умение влиять на ход дел напомнили мне графа Штакельберга в Варшаве. Изысканный дипломатический корпус здесь был представлен графом Келлером от Пруссии, графом Льяно от Испании, г-ном Калишевым от России, графом Ловенхельмом от Швеции, г-ном д'Араухо от Пор-

тугалии, шевалье де Ревелем от Сардинии, г-ном Кайяром, уполномоченным по делам от Франции, г-ном Буоль-Шауэнштейном от Австрии.

Полученные мною инструкции сводились к следующим заявлениям:

1. Целью моей миссии является подтверждение живейшего желания короля и всей Польской Речи Посполитой поддерживать и укреплять дружеские связи с Голландской республикой.

2. Проинформировать Генеральные Штаты Соединенных провинций об оборонительном союзе, заключенном Польшей с прусским королем, с которым Голландская республика находится также в тесной связи, из чего следует необходимость новых отношений и связей между этой республикой и Польшей.

3. Сообщить, что после заключения вышеупомянутого альянса с королем Пруссии продолжаются переговоры о заключении торгового договора с берлинским двором. Поскольку этот договор предусматривает торговые отношения преимущественно через Балтийское море, то результат этих переговоров не может быть безразличным Голландской республике.

В последующих пунктах мне рекомендовалось не терять из виду все, что могло послужить к расширению польской

торговли и обеспечить коммерческие выгоды как для страны в целом, так и для ее жителей в частности.

В заключение до моего сведения доводилось, что главная цель моей миссии – наблюдать за переговорами, которые могли последовать за войной, и добиться при содействии Голландской республики, чтобы Польша могла иметь своего представителя в генеральном конгрессе и в результате обеспечить соответствующим договором свою целостность и независимость.

Польша уже два десятка лет привлекала к себе внимание всей Европы. Твердая решимость представителей этой нации, выдающиеся таланты в области законодательства, политики и дипломатии, которые проявились вдруг самым неожиданным и энергичным образом, в сочетании с красноречием многих членов сейма; разумные меры, употребляемые для того, чтобы выйти из-под действия соглашений о разделе 1775 года и создать значительную армию; высказывания самого короля в пользу новой системы и всеобщий энтузиазм, царивший в стране, – все это делало Польшу самым интересным объектом на политическом горизонте Европы.

Прусский король спешил заручиться ее дружбой и желал заключить с ней альянс. Англия и Голландия могли надеяться в связи с изменением политической системы в Польше иметь гораздо большие выгоды от торговли с этой богатой, плодородной страной, которая, конкурируя с Россией, производила зерно разных сортов, лен, коноплю, строительную

древесину, кожу и другое сырье и, со своей стороны, имела нужду в продукции, производимой иностранными фабриками и мануфактурами.

Швеция и Турция с удовлетворением наблюдали за стараниями Польши уйти из-под зависимости от России и за ее готовностью действовать вместе с ними против общего врага.

Французское правительство также высказалось очень дружелюбно, но вполне определенно в письме, адресованном своему представителю в Варшаве Оберу, а тот передал его содержание маршалкам сейма. *Давняя дружба, – говорил он там, – между Францией и Польшей побуждает Его Величество относиться с самым большим интересом ко всему, что может способствовать сохранению спокойствия в Польской Речи Посполитой. Король надеется на здравый смысл польской нации, которая, занимаясь сейчас восстановлением разных ветвей государственной власти, постарается избежать всего, что могло бы ее скомпрометировать в глазах любого другого государства. Она должна осознать, что то, что веками искажалось и разрушалось, не может быть восстановлено за несколько месяцев. Она сумеет учесть все обстоятельства, требующие от нее взвешенного подхода, чтобы не подвергнуть себя опасности свети на нет даже самую надежду когда-либо возродить то устойчивое и блестящее положение, которое природа определила ей среди государств Европы.*

Что же касается поборников революции, начинавших набирать силу во Франции, то они усматривали в энтузиазме и рвении, охвативших Польшу, ростки тех либеральных принципов, которые могли быть однажды перенесены из одного конца Европы в другой, — дух философии, установление царства свободы. Но расчет на это оказался ложным, так как побудительные мотивы конституционного сейма основывались на принципах, сильно отличавшихся от идей французских революционеров, хотя их иногда и сравнивали с якобинскими.

Вообще говоря, почти все правительства и все просвещенные народы с интересом наблюдали за благородными усилия поляков подняться с колен. Это был, без сомнения, блистательный момент в истории Польши, и доказательством тому была та благожелательность, с которой повсюду встречали ее посланников.

Любых хвалебных слов будет недостаточно, чтобы описать внимание и любезность по отношению ко мне со стороны двора, притом что умы едва успели немного успокоиться после недавних событий революции, которая была лишь временно приглушена введением в страну прусских войск. Было много недовольных, поддерживавших Францию, которые подчеркивали свое несогласие с «оранжистами» и вынужденно носили совсем крошечные оранжевые кокарды, так как абсолютно все, не исключая даже иностранных послов, обязаны были иметь их на своих головных уборах. Эти недо-

вольные, которых больше всего было в Амстердаме, испытывали неприязнь к своему двору, а также к представителям Пруссии и Англии, но, несмотря на все это, ко мне одинаково хорошо относились обе стороны, и все голландцы в целом проявляли живой интерес к судьбам Польши.

Вскоре я получил доказательство того доверия, которое испытывали голландцы к решениям нашего сейма. Мне были поручены переговоры о даче займа Речи Посполитой. Многие банкиры в Амстердаме вызвались тут же решить положительно этот вопрос, и все переговоры были завершены в двадцать четыре часа.

В это же самое время здесь велись переговоры о займе для России. Я же несколько опередил их и настаивал на скорейшей отправке средств в казну Польши, не имея при этом никаких других соображений, кроме выполнения распоряжений из Варшавы. Однако при этом мне были приписаны намерения задержать или даже провалить переговоры о займе для России – я узнал спустя двадцать лет, что это была первая вина, которую вменили мне в Петербурге, и произошло это после получения рапорта, отправленного туда послом России в Варшаве Булгаковым.

Старый советник Фажель, особенно дружелюбно настроенный к полякам и имевший давнюю привязанность к королю Польши, с которым он познакомился в Голландии еще в 1756 году, рассказал мне некоторые очень интересные детали о Станиславе Понятовском и уверял, что уже тогда был

почти уверен, что тот станет королем. Он показал мне копию письма, которое отправил Станиславу, чтобы поздравить его с восшествием на трон и напомнить ему о тех разговорах, которые были у них на этот счет.

Я лишь дважды имел возможность видеться с ним, так как он вскоре умер и на его место заступил молодой Фажель.

После того как я объявил нашему представительству иностранных дел, что мнения двора, при котором я нахожусь, полностью согласуются с мнениями берлинского двора, то не преминул, что было вполне естественно, сообщить также и о тех замечаниях, которые мне тогда же передали в Амстердаме, по поводу досадных последствий, которые будет иметь для Польши уступка Торуня и Гданьска. Докладная записка, которую мне передали в связи с этим, была толково составлена. Там содержались разумные и верные замечания, но в каждой фразе звучало противодействие прусской системе и подчеркнуто пристрастное отношение к ней.

Я не знал, какое впечатление произведет эта докладная записка в Варшаве, но я обязан был довести ее до сведения нашего представительства, тем более что она была подписана многими известными и богатыми коммерсантами, которые часто вступали в торговые отношения с Польшей, но при этом никак не являлись *«штатхаудерами»*⁸ и, соответственно, друзьями Пруссии.

Представительство поручило мне намекнуть, что посколь-

⁸ Глава исполнительной власти в Соединенных провинциях. (Примеч. ред.)

ку король и Польская Речь Посполитая назначили своего посла в Гаагу, то было бы приятно видеть и в Варшаве представителя Генеральных Штатов Соединенных провинций. Соглашение по этому вопросу не составило никаких затруднений. Барон де Рид, который был назначен голландским посланником в Петербург, получил указание навестить Польшу и провести некоторое время в Варшаве.

В начале сентября курьер доставил мне новость о подписании в Вареле мира между Швецией и Россией. Переговоры было поручено вести Армфельдту и Игельстрому, и они же подписали договор 14 августа 1790 года. Мне поручили прозондировать, какое впечатление эта новость произвела в Гааге. Нет необходимости говорить, что англо-прусская лига была безмерно этим разочарована. Впрочем, зная характер шведского короля, все же надеялись подтолкнуть его к новым враждебным действиям против России; возможно, эти надежды и оправдались бы, если бы не были подписаны предварительные мирные соглашения между Россией и Турцией в Галаце, а затем – мирный договор в Яссах, что вынудило его отказаться от новых подобных попыток. К тому же, развитие революционных событий во Франции отвратило его от всяких намерений против России, чтобы помочь ей стать одной из главных сил в Европе, противостоящих Франции.

Не имея более ничего значительного сообщить представительству о ситуации в Голландии, которая была покорена

прусским королем и подчинена Англии и потому действовала исключительно по указке этих двух дворов, я старался в своей корреспонденции приводить интересные детали обо всем, что происходило во Франции и Нидерландах. Не было практически ни одного дня, когда до нас не доходили бы известия из Брюсселя и Парижа. Однако похоже было, что Ван-дер-Нут и Ван-Эутен более занимали общественность Гааги, чем революционные перипетии во Франции. Эти бельгийские адвокат и священнослужитель являлись предметом всех разговоров. Ими были заполнены страницы всех газет. Они выступали главными персонажами всех карикатур. Их вводили действующими лицами во все диалоги и театральные пьесы, делали героями или подвергали осмеянию в зависимости от успехов или неудач их сторонников. Англо-прусская лига тайно поддерживала их в то время, когда прусский король договаривался с Леопольдом в Рейхенбахе, но все это не могло продолжаться бесконечно. Дворянство, духовенство, демократы и демагоги – все были недовольны и мечтали избавиться от австрийского ига, но при этом не могли согласовать свои позиции, действовать по одним и тем же принципам и образовать единую партию, которая могла хотя бы на некоторое время устоять. Австрийский император Иосиф II сам вызвал эту революцию, потеряв доверие брабантцев и фламандцев – из-за своего намерения обменять бельгийские области на Баварию. Он вызвал возмущение жителей этих провинций, разрушив их крепости, уни-

чтожив их привилегии, отменив их сеньоральные права. Желая принудить католиков, с их-то чувством превосходства и предрассудками, к терпимости по отношению к иноверцам, он учреждал светские школы без духовенства, пытался предоставить нации некую видимость свободы и в то же время укреплял на деле власть и авторитет монарха.

Иосиф II, втянутый в войну с турками, обеспокоенный положением в своих венгерских владениях, опасаящийся англо-прусского союза, не осмеливался, да и не мог послать достаточно войск, чтобы утихомирить волнения в Нидерландах. Леопольд, будучи в лучшем положении, дал себе труд лишь послать туда некоторое количество войск. Все произошло, как должно было произойти, – и гораздо раньше, чем на это можно было рассчитывать. Гусарское подразделение заняло столицу. Я могу засвидетельствовать, что, направляясь в Лондон, по случайному совпадению прибыл в Анвер⁹ буквально за пару часов до того, как туда вошли австрийцы: они захватили его двумя десятками солдат инфантерии.

Легкость, с которой было покончено с этой революцией, оказалась губительной для тех, кто вообразил себе, что так же будет и с французской революцией. Можно ли было сравнивать бельгийские провинции с Францией – в смысле протяженности, населения, географического положения, природных ресурсов? Все усилия объединенных государств Европы не смогли достичь цели: спасти жизнь короля, ути-

⁹ Французское название города Антверпен в Бельгии. (Примеч. пер.)

хомирить ярость революционных демагогов, успокоить взбудораженные умы, вернуть на трон Людовика XVIII, позволить вернуться во Францию тем, кто из нее эмигрировал – намеренно или по необходимости. Когда речь шла о защите родины, все республиканские партии объединялись. Революционные силы иногда терпели неудачи, но рознь между ними никогда не доходила до того, чтобы подставить под удар столицу и страну. Неудачи не заставляли их отступать, а лишь вдохновляли идти вперед с еще большим энтузиазмом и энергией. Они одерживали победы и заставляли отступать врага, стремившегося войти во Францию, чтобы восстановить там старый режим правления. Почти всеобщее убеждение в Голландии было таково, что, не будь этой коалиции против Франции, там было бы пролито гораздо меньше крови и, возможно, Людовик XVI остался бы жив.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.